

Она почти не выходила из дому, проводя все время около телевизора. Голоса уже не было. Последний раз он звучал во время ее выступлений в Японии. Но это был не ее голос, некогда пронзавший сердце, а пародия на него. С ней оставались боль и одиночество. Это все, что теперь окружало "божественную Каллас", а еще воспоминания.

Какие видения прошлого проносились перед ее мысленным взором? Первые триумфы в Ла Скала или тот ужас, что обрушивался на нее, когда во время спектакля отказывал голос; горячий и горький роман с Аристотелем Онассисом или то, как она, толстая, неуклюжая девочка в очках, пела на приемных экзаменах "Хабанеру" из "Кармен"?

Гадкий утенок

Да, когда-то Мария Каллас, восхищавшая не только голосом, но и фигурой топ-модели, была несурзанным закомплексованным ребенком. Мать так и называла ее: "гадкий утенок". Но этот "утенок" обладал музыкальным даром, и мать мечтала, что когда-нибудь ее дочь станет известной певицей. К тому же, гречанка по происхождению, Мария родилась в городе величайших возможностей — Нью-Йорке, поэтому грезы матери не кажутся чрезмерными. Правда, если бы мать знала, как жестоко поступит с ней в будущем Мария, наверное, так не занималась бы ее карьерой. А для самой Марии пение было спасением, уходом от реальной жизни, когда она забывала о своем уродливом облике и частых ссорах отца с матерью.

Музыкальное образование Мария получила в Греции, куда мать уезжает с дочерью, стремясь устроить их будущее. Отец остается в Нью-Йорке. Сначала Мария поступает в Национальную консерваторию, причем мать обманивает комиссию, прибавив четырнадцатилетней Марии два года, поскольку к конкурсу допускались абитуриенты, достигшие шестнадцати лет. Через некоторое время Мария переводится в более престижную Афинскую консерваторию. Ее педагогом становится выдающаяся испанская певица Эльвира де Гидальго. Впоследствии она вспоминала первое появление перед ней Марии: "Самая мысль о том, что эта девушка хочет быть певицей, казалась смешной. Высокая, толстая, в больших очках в массивной оправе. Когда она снимала их, то вы видели огромные глаза с каким-то отсутствующим взглядом. Весь ее облик был нелеп: платье слишком длинное и бесформенное, с застегиванием спереди. Не зная, чем занять себя, она сидела, покусывая ногти, дожидаясь своей очереди петь".

Но, когда Мария запела, Гидальго была потрясена силой и драматизмом исполнения: "Я сидела, закрыв глаза, и думала, какой радостью станет для меня работа с этой девушкой".

Первый скандал

Нет более сладкой сказки, чем та, что повествует, как неожиданная болезнь примадонны или премьера помогала выбиться в люди начинающей актрисе или артисту. Нечто подобное произошло и с Каллас. Заболела ведущая певица Афинской национальной оперы, выступающая в партии Тоски, и Каллас предложили выйти вместо нее. Вес Марии тогда был около восьмидесяти килограммов. Стоя за кулисами, она услышала, как кто-то пошутил: "И эта слониха будет петь Тоску?" Реакция Марии была мгновенной: удар в лицо — и из разбитого носа обидчика хлещет кровь.

Потом, когда Каллас придет мировой успех, скандалы будут сопровождать ее постоянно. Газеты станут описывать крутой нрав, непредсказуемость, раздражительность примадонны. Конечно, Каллас не была ангелом и очень хорошо понимала, что в театре без кулаков не выживешь. Но скандалы нужны были публике и прессе — что же это за звезда, если нет скандала!

Однажды баритон Джордж Лондон должен был выступать с Каллас в "Тоске". Как только он узнал об этом, ему сразу стало не по себе. Наслушавшись о бешеном характере звезды, он готовился к самому худшему. Но на первой же репетиции певец успокоился. "Передо мной была настоящая соратница и одержимая труженица", — вспоминает Лондон. — Однако многие газеты написали, что между мной и Каллас во время репетиции разгорелась ссора. Я попытался объяснить моим друзьям, что это неправда. Но в конце концов пришлось капитулировать. Мне стало ясно, что Каллас не только возбуждает фантазии публики, но и раздражает фантазию прессы. Всем просто необходимо, чтобы она представляла в статьях как "норовистая" и "огненная".

А чего стоят выпады Каллас в адрес матери, которая, прося дочь о материальной помощи, писала, что выбросится из окна, если та ей откажет. На что Каллас вроде бы ответила: выбрасывайся, если не можешь содержать себя сама. Мария тогда жила уже в Нью-Йорке, перебралась к отцу, а мать оставалась в Афинах.

Мать до конца жизни не могла простить дочери этой жестокости и не скупилась в беседах с журналистами на детали и подробности из жизни неблагодарной Марии. Каллас, в свою очередь, тоже чего-то не могла простить матери. Вот только чего? Может быть, того, что у матери и отца не сложились отношения, или тех унижений и стыда, которые она пережила в детстве из-за своей внешности?

Союз темперамента и расчета

В жизни каждой выдающейся личности есть кто-то, без чьей помощи ее звездная карьера никогда бы не состоялась. Для Каллас такими людьми стали ее муж Джованни Менегини и выдающийся дирижер Туллио Серафин. Богатый промышленник Менегини стал для Каллас: всем: мужем, отцом, помощником, импресарио, психотерапевтом. А поскольку Менегини был в два раза старше Каллас, то союз горячего темперамента (Каллас) и холодного расчета (Менегини) оказался весьма плодотворным. Лучшее, что создала Каллас на оперной сцене, время ее триумфов и мировой славы приходится на тот период, когда она была женой Менегини, а на афишах ее имя писалось как Мария Менегини-Каллас.

Именно Менегини упрямил Туллио Серафина заниматься с Каллас. И maestro воспитал не просто певицу, а поющую драматическую актрису, способную исполнять почти все женские партии мировой вокальной литературы. После смерти Серафина Каллас говорила: "Он открыл для меня мир, объяснил, что всему есть причина. Даже фиоритуры и трели не просто так зародились у композитора, они выражают состояние души его героев. С Серафином мы обсуждали каждую деталь, каждое движение, каждое слово, каждый вздох персонажа".

Красота — это страшная мука

Никто не мог сравниться с Каллас по магнетизму и колдовскому влиянию на зрительный зал. "Она была дивным феноменом, чуть ли не отклонением от нормы", — считал Лукино Висконти. Но самой Каллас казалось недостаточным потрясать зрителей только пением и драматической игрой, она решила удивить и внешним преображением. Если в 1949 году, когда Каллас выходила замуж за Менегини, она весила девятью килограммами, то через пять лет ее вес не превышал пятидесяти шести килограммов. Секрета столь разительных перемен во внешности Каллас никому не открывала. Но рассказывали, что, испробовав всевозможные диеты и не добив-

шись успеха, певица проглотила солитера. Впоследствии этот чудо-рецепт едва не привел к трагедии. Когда пришло время выгонять солитера, Каллас, боясь, что вновь располнеет, решила этого не делать. И лишь после того, как боли в желудке стали нестерпимыми, Мария наконец согласилась принимать лекарства, выписанные ей врачом.

Лучший сезон

Новая внешность певицы, конечно, произвела сенсацию. Но настоящий фурор вызвали те партии, которые в это время Каллас подготовила с двумя великими режиссерами: Франко Дзеффирелли, в ту пору начинавшим свою карьеру, и Лукино Висконти, тогда уже мэтром.

Добиваясь от певицы сценической выразительности, Висконти обращался к творениям таких художников, как Канова, Энгр, Давид, заимствуя у них для Каллас живописный жест, позу, внешний рисунок роли. Каллас оказалась одновременно неистовой и послушной ученицей. Их первая совместная работа — опера "Весталка" — принесла им обоим громкий успех. Потом была "Сомнамбула", где Висконти уподобил Каллас легендарной балерине Марии Тальони. В этой роли высокая и энергичная Каллас казалась маленькой, хрупкой, почти невесомой. Перед-выглядела она легкими, парящими шагами, а ее талия была тоньше, чем у Джини Лоллобриджиды. В этой опере Каллас достигла фантастического воздействия на зрительный зал. Так, в финальном акте, когда Амина — Каллас, идя по мосту в сцене лунатизма, наступала на сломанную планку и оступалась, зрителям казалось, что она летит в пропасть, хотя на самом деле она стояла на месте.

Почти в это же время Каллас с грандиозным успехом выступила как комедийная актриса, спев Фьориллу в "Турке из Италии" в постановке Франко Дзеффирелли, которому стоило немалых усилий превратить трагическую актрису в комедийную. По словам режиссера, в реальной жизни и певице не было ничего комичного. Дзеффирелли рассказывал, что во время подготовки к премьере "Турка" Каллас посмотрела фильм "Римские каникулы" и загорелась желанием выглядеть такой же нежной и изящной, как главная героиня картины в исполнении Одри Хепберн.

Завершился этот один из самых успешных сезонов Каллас в Ла Скала, сезон 1954—1955 годов, "Травиата" в постановке Висконти. В Виолетте Каллас слились и боль, и нежность, и печаль. Певицу сравнивали с Сарой Бернар, а сама Каллас говорила, что ей понадобилось годы, чтобы научиться показывать болезненность Виолетты в самом звучании голоса. "Все дело в дыхании", — сказала она. — Нужна очень здоровая глотка, чтобы заставить голос звучать устало все это время".

Роковая встреча

Великие актрисы знают о любви все. Но только о той, которую проживают на сцене. Возможно, поэтому так одиноки и несчастливы они в реальной жизни. Роман Каллас с миллионером Аристотелем Онассисом еще одно подтверждение этому.

21 апреля 1959 года в парижском ресторане "Максим" певица отмечала десятую годовщину бракосочетания с Менегини. Отмечала громко, шумно, эффектно. Ресторан утопал в цветах, а поздравительные телеграммы приходили со всех концов света. "Я голос, а он душа", — торжественно объявляет Каллас.

И вдруг как гром среди ясного неба: буквально через четыре месяца Мария сообщает Менегини, что любит Аристотеля Онассиса и не хочет больше продолжать супружескую жизнь. Это случилось на роскошной яхте Онассиса "Кристина" во время путешествия по Средиземному морю, в которое супругов Менегини пригласил греческий миллиардер. Вероятно, в Каллас проснулись чувства, которые она горячо воспекала на сцене. Те чувства, которые не смог в ней разбудить Менегини. И все полетело в пропасть. Шумно, громко, скандално. Тема Каллас — Менегини — Онассис долго оставалась главной для газет и журналов.

"У меня такое ощущение, будто меня десять лет продержали в клетке, я стала совершенно другой, когда повстречала Аристо", — признавалась Каллас. На что оскорбленный муж с гневом отвечал: "Каллас — мое творение... Она была хирной, беззвучной одетой женщиной, бедной как церковная мышь, когда я повстречал ее. Теперь же мне приходится выслушивать, что я ее эксплуатировал... Да у нее вообще ничего не было за душой. А теперь я должен отдать ей половину нашего состояния".

Мать Каллас, мстя дочери, встала на сторону брошенного

супруга: "Менегини был для Марии отцом и матерью. Теперь, видите ли, она в нем не нуждается. Однако Мария никогда не будет счастлива, это мне подсказывает мое материнское сердце. Таким женщинам, как Мария, не суждено познать истинную любовь".

Я хотела, чтобы это был роман

Да, со счастьем ничего не получилось. Иначе, наверное, и быть не могло. Два таких бурно кипящих вулкана, как Онассис и Каллас, не способны были создать счастливый любовный дуэт. "Я только хотела, чтобы это действительно был роман", — как-то печально призналась Каллас. Но лукавила, поскольку ей хотелось не только романа, но и семейного благополучия. Онассис развелся с женой, но соединиться узами брака с Каллас не торопился. Примерно через год после их встречи у Марии родился от Онассиса мальчик, проживший всего лишь сутки. Затем, в 1968 году, Онассис согласился жениться на Каллас. Предстоящее бракосочетание держалось в строжайшей тайне. Оно должно было произойти в Лондоне, но незадолго до церемонии молодожены разругались. Онассис вроде бы резко бросил Марии: "Ну что, добились своего?" Каллас вспыхнула, и они разбежались в разные стороны — Онассис улетел в Афины, а Каллас вернулась в Париж. Самое горькое заключалось в том, что Мария была беременна, но во время их ссоры Онассис заявил, что никогда не будет ее мужем, и потребовал сделать аборт.

Что до творчества, то и здесь встреча с Онассисом не принесла ничего, кроме боли и несчастья. Ее голос стал умирать. Это был уже не ее голос, пронзавший сердце, а пародия на него. Ее любимый Ари зло кричал Марии в лицо: "Ты никто, ты безголосая певичка, тебе надо петь в кабаках!". А она ему это прощала, потому что любила. Для Марии все кончилось, когда она узнала из газет, что Онассис женился на Жаклин Кеннеди. Тайно, не говоря ей ни слова.

И все же она продолжала любить Онассиса. Когда у того погиб сын, в одном из писем Мария писала: "В юности я считала, что мой бог — музыка. Музыки не хватало, чтобы просто быть счастливой. И с тобой я себе изменила. Мне нечего тебе сказать. Мне не о чем петь. Поэтому я молчу. Что ж, Ари, терпи. Терпи, любовь моя. У одиночества тоже бывает предел. Имя ему смерть".

Великие актрисы знают о любви все. Наверное, поэтому так одиноки и несчастливы. Каллас пережила Онассиса на два года, ее нашли мертвой в ее парижской квартире 16 сентября 1977 года.

СТРАСТЬ, БОЛЬ, ГОЛОС